

“САМОРАЗВИВАЮЩИЙСЯ” ЭПОС АМЕРИКИ. НОВАТОРСТВО ЖАНРА

“Тропа к дому проложена, но где же само здание? Я так и не завершил моего труда и навряд ли смогу это сделать”, – отмечал в своей записной книжке У.Уитмен, несмотря на очевидное совершенство архитектурного сооружения, кое представляли собой “Листья травы” [1, с. 8]. И дело здесь не в излишней самокритичности поэта, или напротив – в его действительной неспособности придать своему творению законченный вид. Дело – в самой специфике и оригинальности избранной им “саморазвивающейся” формы, которая вместила в себя все поэтическое наследие Уитмена и прекратила свое “саморазвитие” лишь только тогда, когда не стало поэта. Потенциально она могла вместить еще многое из того, что не смог и не успел написать поэт, все то, что могло бы расширить и дополнить ту главную идею, которая получила свое воплощение в книге “Листья травы”.

“Недостроенным”, открытым для конечных выводов и программ оказывается, подобно уитменовским “Листьям травы”, и “здание” книги К.Сэндберга “Народ, Да!”, которая так же, как и эпос Уитмена, органично вырастает из всего предшествующего творчества поэта, что собственно и дает возможность говорить о ней как о “принципиальном достижении автора”.

Обратимся к высказыванию Уилларда Торпа: “...странная и могучая книга (выделено нами – Б.Е.), жанр которой невозможно определить” [2, с. 292]. Практически настаивая на невозможности определения жанра, исследователь прямо указывает на причину, лежащую в основе специфики построения произведения Сэндберга, называя его **книгой**.

Книгой называет свое поэтическое “детище” и сам Сэндберг. Так, в письме к Арчибальду Мак.Лишу, от 20 января 1935 года, поэт сообщает, что надеется к концу февраля или началу марта закончить работу над новым произведением, которое “странно выкристаллизовывается”, обладает потенциальной возможностью к “чрезвычайной продолжительности”, неожиданным поворотам и “представляет само по себе книгу” [3, с. 309]. В другом письме Сэндберга, адресованном Генри Льюису, читаем: “...то, что я пытаюсь выразить здесь, потребует книги” [3, с. 319].

Согласно традиционному толкованию, **книга** (как определение специфики построения произведения) представляет собой множество сведенных воедино, различных, чаще всего эпических по своему характеру картин, не объединенных общим повествовательным сюжетом, способных в любой момент выступить как отдельное произведение, ибо каждая из подобных эпических зарисовок обладает определенной скрытой потенцией на сюжет. Ярким примером такого рода стали в свое время “Метаморфозы” Овидия и “Опыты” Монтеня, не говоря уже о том, что одним из совершеннейших образцов подобного единства становится Книга Жизни (Библия).

В поэзии данное построение (по типу книги) обуславливается прежде всего принципом циклизации: одно стихотворение, самостоятельно возникшее и живущее своей собственной жизнью, с течением времени как остов обрастает множеством других, внешне не связанных между собой, но объединенных общей внутренней идеей, сначала в цикл, а затем и в книгу, что, к слову сказать, также не является новоизобретением XX века. Достаточно вспомнить лирические циклы Данте, Петрарки и Шекспира, Фета, Некрасова и Тютчева. Подобное явление мы наблюдаем в поэзии Вордсворта, Дикинсон, Уитмена, Рильке и мн. др. В литературе XX века это явление стало привычным (как привычно обращение поэтов к большим традициям прозы или других родов литературы – “Фауст” Гете и т.д.), особенно в их нескончаемых попытках создания стихотворного эпоса. Из всего предыдущего творчества вырастает эпос Маяковского; эпические, общие, исторические начала своей поэмы “12” связывает со всей своей предшествующей лирикой А.Блок. И именно в XX веке такое понятие, как “книга стихов”, настолько прочно входит в литературную жизнь, что, согласно утверждению А.Кушнера, по праву может быть определением нового жанра: “...литература движется вместе с человеком, и на смену одним литературным жанрам приходят другие: так, поэма вытесняется с одной стороны прозой (романом, повестью, рассказом, а то и внутри самой поэмы – прозаическими вставками, разрушающими ее, на мой взгляд), с другой стороны, книгой стихов” [4, с. 195].

На то, что **книга** (как жанровое новообразование) органично вписывается в общую картину современной поэзии, обращает внимание, анализируя лирику А.Твардовского, И.Ростовцева: “Но есть эпическая зоркость к тому, что пользуясь его собственным выражением – (А.Твардовского – Б.Е.), ...является из

самой действительности, чтобы в свою очередь стать “книгой”, какой до сих пор не было, такой, как, например, “книга про бойца” “Василий Теркин” или “Книга лирики” [5, с. 143]. В этой связи не менее интересно и наблюдение Б.Гиленсона относительно своеобразия построения поэтических книг Л.Хьюза: “Это были поэтические книги, а не обычные сборники, вобравшие в себя стихи, написанные за определенный период. Хьюз тщательно их составлял. В каждой из них была своя внутренняя тема, свой пафос. Обычно каждая такая книга членилась, в свою очередь, на циклы стихов, объединенных общностью звучания” [6, с. 15]. Результатом творческого воплощения принципа циклизации становятся и поэтические книги Паунда (“Кантос”) и Уильямса (“Патерсон”). Не просто сборниками стихов, а “книгами” предстают перед нами “Чикаго”, “Дым и сталь”, “Сборщики кукурузы”, “Доброе утро, Америка” Сэндберга, в которых центральной и упорядочивающей идеей становится идея художественного воссоздания истории Америки, представляющей собой, в понимании поэта, прежде всего историю народа. Каждое, даже самое небольшое по своему объему, стихотворение Сэндберга становится частью огромного целого, тем самым эпизодом (“станционным узлом”), вокруг которого постепенно – от стихотворения к стихотворению, от одного лирического цикла к другому, а затем – к “книге”, а то и от одной книги стихов к другой – выстраивается единая сэндберговская “беспредельная поэма судеб человеческих” (Н.Гоголь), его “сага о народе”, знаменательной, но не конечной вехой в создании которой становится книга “Народ, Да!”.

Практически все идейно-тематические пласты, эмоциональные настроения, поэтические приемы, ставшие результатом долгих и трудных творческих поисков поэта первых трех десятилетий XX века, переходящие из одной книги в другую, расширяя и углубляя поэтическое видение Сэндберга, раздвигая пространственные и временные рамки изображаемого им реального мира, слившись в единый поток, выплеснулись на ее страницы, получая обновленное и более полифоничное звучание, трансформируясь согласно потребностям времени, с учетом творческой эволюции самого поэта.

Подобно тому, как это делает Уитмен, Сэндберг как бы “выращивает зерно своей книги”, предопределяя тем самым внезапное возникновение новых тем и мотивов, новых героев и новых фактов. Однако, в отличие от Уитмена, Сэндберг менее склонен собирать все тематически схожие стихи в один большой цикл или поэму, а организует их, как правило, на уровне одной главы, нередко представляющей собой емкий перечислительный ряд – все тот же уитменовский каталог, – что не исключает возможности развития одной темы в нескольких главах. Но главы эти редко стыкуются друг с другом. Гораздо чаще они соотносятся между собой по принципу контраста, что и обуславливает еще большую необходимость киномонтажной поэтики и широкое обращение к лейтмотивам. Поэту оказывается, на наш взгляд, более близка композиционная организация, осуществляющаяся как бы на последнем витке художественного воплощения его творческой идеи, составляющем каркас всей книги.

Иными словами, для книги Сэндберга гораздо в большей степени, чем для книги Уитмена, характерны спонтанность и диффузность, смешение несопоставимого и противоречивого. Что же касается многотемности, бессюжетности, выхода за границы жанра, то все это, несомненно, общие черты, присущие обоим книгам. Впрочем, объединяет произведения Уитмена и Сэндберга гораздо большее.

“Человеческая мысль, человеческое чувство, – пишет Д.Затонский, – всегда живые, всегда подвижные – находили для себя формы выражения внутри “большой”, наперед установленной формы. В конце концов и мы, люди XX столетия, отменившие в искусстве многие запреты, сломавшие многие каноны, живем же

внутри традиций веками слагавшейся культуры. Она играет для нас роль большой формы и не сковывает нашу свободу самовыражения. Не сковывает потому, что она **наша** в том смысле, в каком мифологичность сюжетов или три единства были **своей** формой для древнегреческих трагиков" [7, с. 55]. Внутри "большой", "наперед установленной формы" находит для себя "форму выражения" и "человеческая мысль", и "человеческое чувство" Карла Сэндберга, что становится наиболее очевидным при обращении к книге "Народ, Да!", ибо сила традиции, как справедливо отмечает Т.Д. Венедиктова, особенно ощутима, когда речь заходит о своеобразии эпических произведений.

"Поэт-эпик, – пишет исследователь, – живо сознавал преемственность в отношении предшественников – общность осуществляемой совместно культурной миссии. Сквозь века эпопея несла непрестанно обновляющийся, но при всем том единый образ человека во всей полноте его духовных и физических возможностей: человека-героя, деятеля, творца, органично сопряженного с широкой общностью людей, питающегося ее – этой общности – силой и выражающей ее высшие чаяния" [8, с. 65].

Собственно и новации в рамках эпической традиции на протяжении долгих веков были неизменно связаны с тем, что "... отказываясь от определенной исчерпывающей себя формы – в данном случае от формы классического эпоса, – искусство стремилось "развить его содержание – иными словами – обнаружить героя в негероическую эпоху" [9, с. 130]. Данная тенденция просматривается как в творчестве Мильтона и Байрона, Вордсворта и Шелли, Гете и Гейне, Аполлинера и Арагона, так и в эпической стихотворной национальной традиции США – в поэзии Барло, Лонгфелло, Уитмена, Крейна, Паунда, Уильямса и, вне сомнения, Сэндберга, ибо в главном – стремлении сохранить и развить видовое содержание эпопеи (показ жизни в ее наивысших моментах) – поэт остается верен традиции. В конечном итоге книга Сэндберга представляет собой все то же, свойственное уитменовским "Листьям травы", чередование объективных повествовательных картин с "эпифаническими" картинами, все те же мгновения истины и гармонии на фоне хаоса" [10, с. 52].

Впрочем, как единую сагу трудовой Америки, кульминационным, но отнюдь не завершающим этапом которой становится книга "Народ, Да!", можно рассматривать не только все творчество Сэндберга. В одну большую "незавершенную" книгу могут быть сведены все многочисленные попытки американских поэтов "достроить здание" национального эпоса, ибо, как было уже отмечено ранее, и "Мост" Крейна, и "Патерсон" Уильямса, и "Кантос" Паунда, а впоследствии – и "Вопль" Гинзберга – это все те же вереницы воспоминаний и свидетельств", все те же "поиски себя", "опыты самопознания" в нескончаемых желаниях их авторов увидеть Америку увековеченной.

Книга Сэндберга "Народ, Да!" – еще один "кирпичик" этого здания, часть большого эпического сказания об Америке, так как она органично вырастает из всей традиции создания национального эпоса США, с присущими ему чертами "незавершенности", "бессюжетности", "фрагментарности", во многом наследуя опыту Уитмена и вместе с тем, вбирая в себя новейшие достижения стихотворного эпоса не только в США (Крейн, Уильямс, Паунд), но и за их пределами (Маяковский, Аполлинер, Блок, Арагон) и, наконец, удивительно близко перекликаясь с прозаическими опытами Манна, Фолкнера и Маркеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венедиктова Т.Д. Поэзия Уолта Уитмена. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
2. Торп, Уиллард. "Новая поэзия" / Литературная история Соединенных Штатов Америки. – М.: Прогресс, 1977. – Т.3.

3. **Sandburg, Carl.** – The Letter's – Ed. by Herbert Mitgang. – N.Y., 1968.
4. **Кушнер А.** Неиссякаемый сюжет поэзии // Вопросы литературы. – 1986. – № 4.
5. **Ростовцева И.** Между словом и молчанием. – М.: Современник, 1989.
6. **Гиленсон Б.** Путь Ленгстона Хьюза / Хьюз Ленгстон. Стихи и проза. – М.: Радуга, 1986.
7. **Затонский Д.В.** Художественные ориентиры XX века. – М.: Советский писатель, 1988.
8. **Венедиктова Т.Д.** Поэтическое искусство США. Современность и традиция. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1988.
9. **Анастасьев Н.А.** Продолжение диалога. – М.: Советский писатель, 1987.
10. **Blustain Gene.** The Voice of the Folk. – Univ. of Massachusetts Press, 1987.

SUMMARY

This article is about the problems of appearance and development of poetical epic of the USA. The "canonical" image of poetical epic is W.Whitman's "Leaves of Grass." A vivid proof of the fruitfulness of romantic epic as a genre structure has become not only the affirmation of a new subjective by its nature structure – "monoepos" – in the twentieth century poetry (H.Crane "The Bridge", E.Pound "Cantos", W.C.Williams "Paterson"), but a fusion of romantic tradition and experience in structures more polyphonic epic and narrative poem. C.Sandburg's book "The People, Yes!" may serve as an example of a new epic, original structure – "The Book."